

DOI: 10.7868/S0321039118010028

ЛУЦИЙ МАРЦИЙ ФИЛИПП В ГОДЫ ПЕРВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РИМЕ*

А.В. Короленков

Издательство «Наука», Москва, Россия;

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: sallust@list.ru

В статье показывается, что если в начале гражданской войны Филипп придерживался нейтралитета и несмотря на это достиг вершины карьеры – цензуры, то на заключительном ее этапе сделал решительный шаг и перешел на сторону Суллы. Автор связывает это не просто с желанием поддержать сильнейшего, а с тем, что во время *lectio senatus* в 86 или 85 гг. Филипп наверняка вычеркнул Суллу из списков сенаторов и теперь стремился снискать милость будущего победителя и сохранить влияние при его режиме, что ему и удалось. Без этого вряд ли был бы возможен последний взлет Филиппа в 78–77 гг. до н.э.

Ключевые слова: Луций Марций Филипп, первая гражданская война в Риме, ценз и *lectio senatus* 86–85 гг. до н.э.

LUCIUS MARCIUS PHILIPPUS DURING THE FIRST CIVIL WAR IN ROME

Anton V. Korolenkov

Nauka Publishers, Moscow, Russia;

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: sallust@list.ru

If at the beginning of the civil war Philippus maintained neutrality and despite that reached the top of *cursus honorum*, i.e. censorship, during the final stage of the fight between *Mariani* and *Sullani* he abandoned his moderate tactics and took a decisive step defecting to Sulla's side. The author argues that it was due not only to Philippus' willingness to support the strongest side but also to obtain the pardon of the eventual winner, Sulla, who must have been removed from the list of senators by Philippus when the latter was censor in 86 or 85 BC. Philippus achieved his aim and managed to keep his political influence. The last pinnacle of Philippus' political career in 78–77 BC could hardly have been possible without it.

Keywords: Lucius Marcius Philippus, the first civil war in Rome, census and *lectio senatus* of 86–85 BC

Данные об авторе. Антон Викторович Короленков – кандидат исторических наук, научный редактор издательства «Наука», доцент исторического факультета ГАУГН.

* Статья является расширенной версией доклада, прочитанного на XIX Жебелёвских чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете 25 октября 2017 г.

История поздней Республики явила немало примеров необычных карьер политиков: достаточно вспомнить Мария, Суллу, Помпея, Цезаря, Октавиана и многих других. На их фоне политическая биография консула 91 и цензора 86 г.¹ Луция Марция Филиппа, не прославившегося победами на поле брани и не достигшего такой власти, как названные деятели, выглядит не столь впечатляюще, однако если присмотреться, то она окажется не менее необычной, нежели у других героев той эпохи. По понятным причинам внимание исследователей больше всего сосредотачивается на борьбе Филиппа против законов Друза, тогда как деятельность в годы гражданской войны 80-х годов в совокупности освещается лишь в его двух уже довольно давних биографиях², в которых одни вопросы рассмотрены очень кратко, а другие даже не поставлены. Между тем указанный период был важнейшим этапом в карьере Филиппа, в очередной раз продемонстрировавшего свое виртуозное искусство политика. Но прежде чем перейти к анализу событий 80-х годов, бросим взгляд на предшествующую деятельность консула 91 г.

Луций Марций Филипп принадлежал к относительно знатному плебейскому роду: один из его предков занимал консульскую должность еще в 281 г., а другой — в 186 и 169 г.³, что, конечно, выделяло Марциев Филиппов из массы других сенаторских фамилий, однако они не могли равняться с Корнелиями Лентулами, Валериями Флакками, Кальпурниями Пизонами, Кассиями Лонгинами, Порциями Катонами и другими⁴. Луцию Филиппу предстояла нелегкая борьба за «место под солнцем». Карьера его развивалась отнюдь не гладко: как известно, он потерпел поражение на выборах в военные трибуны⁵. Зато около 104 г. ему удалось стать плебейским трибуном⁶, и в этом качестве он показал себя политиком, склонным к весьма опасным с точки зрения правящей верхушки ходам. Цицерон с осуждением пишет о «заискивании» Филиппа во время трибуната перед народом и цитирует его слова о том, что в римском государстве не наберется и двух тысяч человек⁷, обладающих имуществом⁸ — в этом оратор усмотрел чуть ли не призыв к уравниванию состояний (*capitalis oratio est ad aequationem bonorum pertinens*)⁹. Он же (и опять-таки с неодобрением) сообщает об аграрном законопроекте Луция Марция, от которого тот, впрочем, легко отказался после его отклонения комициями¹⁰. Зато в 100 г. Фи-

¹ Здесь и далее все даты — до нашей эры.

² Münzer 1930, 1565–1566; Ooteghem 1961, 134–140.

³ Münzer 1930, 1572, 1573, 1576; Broughton 1951–1952, I, 190, 370, 423.

⁴ Когда Цицерон называет Филиппа *summa nobilitate homo* (*Brut.* 166), то сравнивает его, очевидно, не с представителями названных фамилий, а с Гереннием, который одолел его в борьбе за консулат (см. ниже). Правда, Р. Сайм склонен рассматривать Марциев как некую единую группу, говоря, что удача консула 186 и 169 гг. содействовала успехам других Марциев (Цензоринов, Фигулов; см. Syme 2016, 49), однако это требует серьезной аргументации, у английского ученого отсутствующей.

⁵ Cic. *Planc.* 52; Münzer 1930, 1563; Broughton 1991, 49.

⁶ Münzer 1930, 1562; Broughton 1951–1952, I, 560 (104 г. под знаком вопроса).

⁷ Фамилий, как уточняет В. Ине (Ihne 1879, 114).

⁸ Cic. *Off.* II. 73: *cum in agendo multa populariter, illud male, ‘non esse in civitate duo milia hominum, qui rem haberent’*.

⁹ В любом случае речь об уравнительном распределении земельной собственности, конечно, не шла (Long 1866, 16); Х. Ласт допускает, что Филипп подразумевал наделение земель тех ветеранов войны в Африке, которые не были отправлены в Галлию (Last 1932, 164); С. Розелаар пишет просто о плане очередного распределения *ager publicus* (Roselaar 2010, 18).

¹⁰ Cic. *Off.* II. 73: *Philippus in tribunatu cum legem agrariam ferret, quam tamen antiquari facile passus est et in eo vehementer se moderatum praebeuit* (на голосование триб указывает термин

липп участвовал в борьбе сенатского большинства против другого автора земельных законов, Луция Апулея Сатурнина (*Cic. Rab. perd.* 21)¹¹. После всего этого довольно странно звучат слова Т. Моммзена о том, что в свое время Филипп боролся за «дело демократии»¹². Даже если оставить в стороне вопрос о правомерности этого понятия применительно к Риму, мы не видим примеров того, чтобы будущий противник Друза что-то сделал хотя бы для какой-то части народа: свой аграрный законопроект он с легкостью отозвал, его рассуждения о менее чем двух тысячах состоятельных римлян всего лишь риторика¹³, и даже зрелищ или раздач Филипп не устраивал¹⁴, чем, кстати, сказать, весьма гордился, говоря, что добился вершин власти и без этого¹⁵. Очевидно, наряду с личным обаянием и ораторскими способностями¹⁶, именно это лавирование и позволило Филиппу занять свое место в политике: сторонникам уступок плебсу молодой политик демонстрировал готовность бороться за такие уступки, а наиболее проникательные *boni* могли видеть, что в любой момент он готов отойти от «демагогии». Однако явно не все готовы были оценить его действия так, как Филипп сам того хотел, коль скоро даже через более чем полвека Цицерон с содроганием вспоминал о его словах и действиях в качестве плебейского трибуна. Возможно, именно поэтому Луций Марций проиграл консульские выборы на 93 г. куда менее знатному Марку Гереннию¹⁷.

antiquari: Mouritsen 2017, 59, n. 14). Налицо резкий контраст по сравнению с ситуацией 91 г., когда Филипп продолжал бескомпромиссную борьбу даже после принятия законов Друза; не исключено, что законопроект являлся не более чем демонстрацией: по словам Сайма, «Филипп играл с аграрным законопроектом и затем отказался от него — видимо, чтобы добиться популярности, не навлекая на себя опасности» (Syme 2016, 52; также см. Herzog 1884, 486). Так или иначе, уже с этого времени Филипп, судя по всему, становится видной фигурой в римской политике (Keaveney 1984, 139).

¹¹ По мнению Х. М. Арбису, в свое время Филипп являлся сторонником Сатурнина, поскольку тот действовал в духе популяров в конце II в. (Arbizu 2000, 112, 138), что, разумеется, ничего не доказывает. Л. Ланге, напротив, четко отделяет Филиппа от Сатурнина и его сторонников, которых считает «бесчестными агитаторами» (Lange 1871, 74–75).

¹² Mommsen 1881, 213. В сходном духе рассуждал и Л. Ланге, который рассматривал аграрный законопроект Филиппа в контексте попыток возвращения к гракханскому законодательству (Lange 1871, 74).

¹³ Нельзя, однако, согласиться с Т. Франком, который писал: «Это утверждение, часто цитируемое историками, не заслуживает ни малейшего доверия, поскольку представляет собой [не более чем] грубое преувеличение разгорячившегося агитатора. Сулла нашел несколько тысяч людей, достаточно богатых для того, чтобы включить их в проскрипции даже после суровых времен Союзнической и гражданской войн» (Frank 1933, 253). Мы не знаем, что Филипп подразумевал под *rem habere*. Дело в другом — нет свидетельств того, что он собирался всерьез бороться за смягчение неравенства, поскольку от предложенного им аграрного проекта он легко отказался и больше ничье аграрное законодательство, насколько известно, не поддерживал.

¹⁴ Вероятно, во время эдилитета (Münzer 1930, 1563), хотя прямых сведений о занятии Филиппом этой должности нет.

¹⁵ *Cic. Off.* II. 59: *gloriari solebat se sine ullo munere adeptum esse omnia, quae haberentur amplissima*.

¹⁶ *Cic. Brut.* 173 (Филипп — третий оратор после *summis Crasso et Antonio*, пусть и *longo intervallo*); *Off.* I. 108 (*erat... in L. Philippo multus lepos*).

¹⁷ *Cic. Mur.* 36; *Brut.* 166; ср. Broughton 1991, 15. Кроме того, Филипп как минимум дважды был под судом, но, очевидно, вышел сухим из воды; см. Alexander 1990, 46–47, № 90 — *de repetundis* (?), обвинитель Кв. Гортензий; 50, № 95 — *ambitus* (?), обвинитель

Лишь через два года удача улыбнулась ему, и в 91 г. он достиг высшей магистратуры вместе с Секстом Юлием Цезарем¹⁸.

91 г. стал звездным часом Филиппа — в ходе отчаянной политической борьбы он сумел добиться отмены уже принятых законов Друза. И вот здесь мы видим совсем иного Филиппа, который решился пойти на жесткую конфронтацию с влиятельными сенаторами, заявив на сходке после одобрения ими законов Друза, что ему «нужно поискать другой [государственный] совет, ибо с этим сенатом он управлять государством не может (*constabat videndum sibi esse aliud consilium; illo senatu se rem publicam gerere non posse*)» (Cic. *De orat.* III. 2). Эта реплика, как и следовало ожидать, вызвала возмущение многих *patres*¹⁹, в том числе консуляра и цензория Луция Лициния Красса, произнесшего пылкую речь в защиту сената, но вскоре он умер, и Филипп сумел взять верх — очевидно, он хорошо рассчитал баланс сил. Причем на сей раз он действительно выступал как выразитель взглядов значительной части плебса, который в вопросе о правах италийцев был, судя по всему, до последнего времени настроен весьма консервативно²⁰. Так или иначе, впервые в своей политической карьере Филипп пошел на прямой конфликт — и вышел победителем. Он показал, что является исключительно сильным соперником в политической борьбе, не считаться с которым рискованно. Последнее он подтвердил тем, что выступал в качестве весьма опасного для обвиняемых свидетеля на процессах Кв. Помпея и Л. Меммия по закону Вария — в первом случае, впрочем, безуспешно, коль скоро в 88 г. Помпей смог стать консулом²¹.

Такова в кратком изложении политическая деятельность Луция Марция до начала гражданской войны, событиям которой и посвящена данная статья. Как можно убедиться, к началу 80-х годов это был зрелый, искушенный политик, мастер политической интриги (но не прибегавший и не призывавший к насилию)²²,

Кв. Сервий Цепион (?). Известно также о столкновении Филиппа на одном из процессов с Кв. Лутацием Катулом (Cic. *De orat.* II. 220).

¹⁸ Broughton 1951–1952, II, 15. Любопытно, что и коллега Филиппа принадлежал к роду, чьи представители занимали консульскую должность уже очень давно, а именно в 157 г. (Broughton 1951–1952, I, 446).

¹⁹ Т. Моммзен пишет, что дело выглядело так, будто Филипп собирается совершить государственный переворот (Mommson 1881, 216). В источниках, насколько известно, такие обвинения не засвидетельствованы; стоит помнить, что слова консула вырваны из контекста — вероятнее всего, речь шла о сенатском большинстве, на тот момент поддерживавшем Друза (Long 1866, 156; Lange 1871, 100; по выражению Ф. Мюнцера, *reformfreundliche Partei des Senats*: Münzer 1930, 1564), ибо нападки на сенат в целом (Willems 1883, 142, n. 2) вряд ли сошли бы консулу с рук, да и своих единомышленников Филипп едва ли стал бы включать в число тех, с кем невозможно управлять государством.

²⁰ См., например, Millar 1986, 9–10. Поэтому довольно спорно звучит характеристика Филиппа как «старого аристократического вождя» (Schur 1942, 147, критику см. Syme 1944, 106).

²¹ Gruen 1965, 65; Alexander 1990, 54, № 101. Впрочем, некоторые ученые предполагают, что Помпея, бывшего претором в тот же год, что и Филипп консулом, последний, напротив, взял под свою защиту (Münzer 1930, 1565; Ooteghem 1961, 134). Однако текст Цицерона (*Brut.* 304) подразумевает скорее обратное толкование (см. Gruen 1965, 65, n. 84; Alexander 1990, 54, № 101).

²² Правда, сохранились сообщения, будто Филиппа обвиняли в гибели Друза (*De vir. ill.* 66.13; Ampel. 19.6; 26.4), однако неясно, насколько это повредило его репутации, не говоря уже о том, что сведения на сей счет восходят к очень поздним источникам. Примечательно, что Цицерон (*ND.* III. 81), младший современник событий, обвиняет в гибели Друза

способный в то же время и на «любовое» столкновение. Следует также отметить и то, что Филипп отнюдь не стремился к обретению славы военачальника — достаточно вспомнить, что его коллега Секст Цезарь, ничем себя не проявивший во время консулата, принял активное и успешное участие в Союзнической войне (App. BC. I. 48), тогда как о Луции Марции мы слышим лишь в связи с процессами по закону Вария²³.

Однако после этого Филипп на несколько лет исчезает из источников, в связи с чем его биографы от Союзнической войны сразу переходят к его цензуре²⁴. Между тем в Риме происходят события, которые, казалось бы, не могли оставить его безучастным — прежде всего борьба вокруг закона Публия Сульпиция о распределении италийцев по всем трибам, переросшая в первую гражданскую войну. Тем не менее Филипп предпочел не проявлять активности, продемонстрировав еще одно весьма полезное для политика качество — умение вовремя отойти в тень (при этом, заметим, к тому времени многие его враги — М. Ливий Друз, Л. Лициний Красс, Кв. Сервилий Цепион (?) — уже ушли из жизни). Почему же он не стал выступать против законопроекта Сульпиция? Думается, причиной тому стала индифферентная позиция сената (т.е. наиболее влиятельных консуляров), который, вопреки господствующему мнению о вражде между ним (точнее, его большинством) и трибуном-реформатором²⁵, никак не выразил своего отношения к предложенному им закону и даже к нападению людей Мария и Сульпиция на консулов. В этой ситуации Филипп предпочел не проявлять явно бесполезной активности, тем более что всего два года назад, как уже говорилось, выступал свидетелем против ставшего теперь консулом Помпея Руфа. Как показало будущее, в своей осторожности Филипп не ошибся. Похоже, не встал он и в открытую оппозицию консулам, когда те взяли Рим — их критика наверняка повысила бы его популярность, однако это было бы слишком незначительным выигрышем для столь крупного политика, который к тому же вполне мог чувствовать что борьба далека от завершения, а исход ее неясен. Было и еще одно обстоятельство: его ничто не связывало ни с Марием, ни с Суллой (впрочем, неизвестно и какой-либо вражде с ними), чтобы выступать за или против них, чего нельзя сказать о консулярах, о чьих действиях в эти месяцы нам что-то известно: Марк Антоний, призывавший обе стороны накануне марша Суллы на Рим сложить оружие (*Bern. Schol. ad Luc.* II. 121, p. 57 U), что было куда выгоднее Марию с его слабыми силами, получил явно с его согласия наряду с правом на триумф возможность избраться на 99 г. консулом заочно; выступивший против объявления Мария *hostis* Сцевола Авгур (*Val. Max.* III. 8. 5) был дедом жены сына Мария²⁶; Катул, напротив, поддерживавший эту меру (App. BC. I. 74. 341), отчаянно завидовал арпинату, на чью долю вполне заслуженно пришлась вся слава победителя германцев²⁷. О консуле 91 г. чего-либо подобного неизвестно²⁸.

не его, а Кв. Вария. Сам же Филипп, если верить Флору (III. 17. 8), публично подвергся насилию со стороны Друза и его людей.

²³ Ooteghem 1961, 134.

²⁴ Münzer 1930, 1565; Ooteghem 1961, 134.

²⁵ Lange 1871, 121–122; Mommsen 1881, 256; Willems 1883, 104; Herzog 1884, 501; Schur 1942, 131; Luce 1970, 191, n. 129; Gabba 1972, 793; Keaveney 2005, 131; Mackay 2009, 137, etc.

²⁶ Münzer 1930, 1812 (с указанием источников).

²⁷ См. Badian 1957, 324; Luce 1970, 180.

²⁸ Правда, Э. Бэдиан считал, что коль скоро в 91 г. Филипп стал злейшим врагом Друза и главным защитником интересов всадников, то он неизбежно начал сотрудничать

Точно так же Филипп никак не проявил себя во время *bellum Octavianum* — ни как военный, ни как дипломат. Неясно, присутствовал ли он в сенате, когда принимались решения об отстранении Цинны от должности, начале военных действий против него и т.д., поскольку в этом случае должен был выразить свое мнение; кроме того, отсутствие сообщений о его действиях в 88–87 гг. означает лишь, что он воздерживался от публичной активности, но это отнюдь не исключает активности закулисной. В то же время Филипп не перешел на сторону Цинны и Мария, фактически сохраняя нейтралитет. Выжидательная тактика полностью оправдала себя: когда Цинна и Марий пришли к власти, Филипп не только не стал жертвой начавшихся убийств, но и всего через несколько месяцев, в 86 г., достиг вершины *cursus honorum* — цензуры²⁹.

Однако, возможно, еще до вступления в должность, а может, и до избрания (в той ситуации оно могло и задержаться) Филипп принял участие в качестве одного из защитников в процессе молодого Гнея Помпея³⁰ — позже у него скорее всего просто не нашлось бы на это времени ввиду загруженности цензорскими обязанностями³¹. Как предполагается, поддержка Филиппом Помпея объясняется связями первого с отцом второго: упомянутый среди членов военного совета Помпея Страбона под Аскулом Кв. Марций (*CIL* I². 709. 2) мог быть сыном Филиппа. Во всяком случае, на суде он едва не источал елей³², говоря: «Нет ничего неожиданного в том, что Филипп любит Александра» (*Plut. Pomp.* 2. 4)³³. Трудно сказать, угадал ли он уже тогда, какое будущее ждет его подзащитного, но в любом случае с его стороны это оказался весьма удачный ход. Подтолкнуть его к нему могло и то, что Помпея поддерживал и один из руководителей нового режима — Гней Папирий Карбон (*Val. Max.* V. 3. 5; VI. 2. 8). Третьим защитником обвиняемого являлся Квинт Гортензий Гортал, тогда еще начинающий оратор (*Cic. Brut.* 230), в прошлом обвинитель Филиппа на одном из процессов, а впоследствии один из видных сулланцев. Таким образом, своим участием в процессе Филипп укрепил связи с циннанцами и навел мосты для будущего союза с сулланцами.

Но вернемся к избранию Филиппа цензором. Не приходится сомневаться, что без одобрения новых властей такое вряд ли стало бы возможным. Между тем возникает вопрос, почему именно его, активно боровшегося против Друза и его планов наделить италийцев правами гражданства, за что, если верить позднему

с Марием, также поддерживавшим тесные связи с *ordo equester* (Badian 1957, 341). Однако всадничество не было чем-то единым, связи Мария со многими всадниками не означают выражения интересов сословия в целом (напомним, что после победы Мария и Цинны в 87 г. всадники подверглись репрессиям наряду с сенаторами: *App. BC.* I. 71. 330), а о позиции арпината в 91 г. ничего неизвестно. В то же время сведений о каких-либо трениях между ним и Филиппом, как уже говорилось, тоже нет.

²⁹ Münzer 1930, 1565; Broughton 1951–1952, II, 54.

³⁰ *Cic. Brut.* 230; *Plut. Pomp.* 2. 4. Вероятнее всего, что речь шла о возмещении Помпеем отпущенных ему из казны средств, которые незаконно, по мнению обвинителей, присвоил его отец (*pecunia ex aerario attributa*) (см. Shatzman 1972, 195). Процесс, как известно, закончился оправданием Помпея (*Plut. Pomp.* 4. 6).

³¹ Обычно процесс и относят к 86 г., не уточняя, впрочем, в какое время года он состоялся (Lanzani 1915, 190, n. 1; Gelzer 1942, 21; Ooteghem 1961, 138; Gruen 1968, 244; Hillman 1998, 177–180). О Кв. Марции как сыне Л. Филиппа см. Lanzani 1915, 190; Gelzer 1942, 21.

³² «Unctuous flattery», по выражению Э. С. Грюэна (Gruen 1968, 244).

³³ Очевидно, это один из случаев, которые имел в виду Саллюстий, говоря о «покровителях» (*fautores*), сравнивавших Помпея с Александром (*Hist.* III. 88).

источнику, он едва не был убит ими (*De vir. ill.* 66. 12), сделали цензором, которому предстояло внести в списки граждан тех самых италийцев? Рассмотрим другие возможные кандидатуры. Из консулов прежних лет, не достигших цензуры, на начало 86 г. еще оставались в живых, помимо Суллы, Мария и Цинны, лишь Публий Рутилий Руф (105 г.), Квинт Муций Сцевола Понтифик (95 г.), Луций Домиций Агенобарб (94 г.), Гай Валерий Флакк (93 г.) и Марк Перперна (92 г.). В отношении других (прежде всего консулов 94 г. Гая Целия Кальда, 93 г. Марка Геренния и 92 г. Гая Клавдия Пульхра) мы можем строить лишь предположения. С названными ситуация такова: Рутилий находился в изгнании и не собирался оттуда возвращаться³⁴; Сцевола Понтифик, как показывает загадочное и оставшееся безнаказанным покушение на него Фимбрии³⁵, не был фаворитом новой власти³⁶ — как, видимо, и Домиций Агенобарб, судя по расправе марианцев с ним в 82 г.³⁷; Валерий Флакк являлся едва ли заменимым наместником Ближней Испании и, видимо, Трансальпинской Галлии³⁸. Наконец, Перперна и так стал коллегой Филиппа (см. ниже), поэтому можно согласиться с Г. Беннетом, который считает их единственными подходящими для цензуры людьми³⁹. Луций Марций, насколько известно, не имел столкновений с Марием и Цинной⁴⁰, а с недругом арпината, в 87 г. покончившим собой по его воле, Лутацием Катулом, как уже говорилось, находился во враждебных отношениях.

Стоит также заметить, что и победители были заинтересованы в лояльности Филиппа—консуляра⁴¹ и одного из самых влиятельных сенаторов, как показали события 91 г.⁴² По мнению Э. Бисфема, «избрание Филиппа и Перперны следует

³⁴ См. Sen. *De prov.* 3.7; *Epist.* 24.4; Quintil. *Inst.* XI. 1. 12.

³⁵ Cic. *Rosc. Am.* 33; Val. Max. IV. 11. 2. X. Муньис Коэльо считает, что Фимбрия, напавший на Сцеволу, также принадлежал к числу консуляров (консул 104 г.) (Muñiz Coello 1995—1996, 258), однако Веллей Патеркул (II. 24. 1) называет его *adulescens*, а Аппиан (*Mithr.* 60.246) — *véoc*, что исключает такую идентификацию. К тому же если выборы цензоров прошли после покушения на Сцеволу, его виновника прочить на такую должность делать было бы вряд ли уместно. X. М. Арбису повторяет аргументы Мюнцера, заменив лишь «народную партию» на популяров, но при этом в другом месте называет Филиппа оптиматом (см. Arbizu 2000, 141, 158).

³⁶ По мнению Бэдиана, Сцевола мог отказаться от борьбы за цензуру в силу странной семейной «традиции» — отсутствия у представителей его фамилии интереса к этой магистратуре (Cic. *Brut.* 161; Badian 1962, 52).

³⁷ См. Münzer 1905, 1334 (с указанием источников).

³⁸ См. Badian 1964, 88—97 (автор допускает, что Флакк управлял обеими Испаниями).

³⁹ Bennett 1923, 43. Моммзен пишет так только о Филиппе (Mommsen 1881, 315). С учетом этого во многом утрачивает смысл замечание К. Майера о допущении к цензуре “relativ unabhängige Herren” (Meier 1966, 244, Anm. 235). К тому же это не мешало ограничить их независимость при исполнении должности.

⁴⁰ Правда, на выборах на 93 г. Филипп, как уже говорилось, соперничал с Гереннием — представителем фамилии, связанной с Марием (Badian 1962, 56), но, учитывая его поражение, вряд ли арпинат поставил бы это Луцию Марцию в вину.

⁴¹ Один из пяти (помимо Мария и Цинны), о которых нам точно известно, что они находились в то время в Риме (также Валерий Флакк, Сцевола Понтифик, Домиций Агенобарб, Марк Перперна; Э. Бэдиан ошибочно пишет о четырех, не учитывая Агенобарба: Badian 1962, 52).

⁴² Ф. Мюнцер объясняет прочность позиций Филиппа близостью его к всадникам и «народной партии» (Münzer 1930, 1565), однако о неоднородности всадничества речь уже шла, что же до «народной партии», то непонятно, кого исследователь под нею

рассматривать не как свидетельство того, что они решили сотрудничать с Цинной, но того, что Цинне пришлось идти на компромисс с сенатом в этом вопросе». Он считает их избрание цензорами, случившееся, по его предположению, лишь после смерти Мария, одним из первых примеров взаимодействия Цинны с сенатом⁴³.

Коллега Филиппа, Марк Перперна, — личность весьма примечательная⁴⁴, хотя и отнюдь не яркая. Он принадлежал к фамилии этрусского происхождения, и его отец стал первым носителем неримского (или, еще точнее, нелатинского) имени среди консулов⁴⁵. Коллега же Филиппа, таким образом, являлся лишь вторым консулом в своем роду, и, подобно ему, стал им отнюдь не *suo anno*, но лишь в 55 лет — случай небывалый. До той поры со сколь-либо крупными событиями его имя источники не связывают⁴⁶, и серьезным влиянием Перперна, похоже, не обладал. И хотя он был явно намного старше Филиппа и занимал высшую магистратуру на год раньше его, во время цензуры ему предстояла вторая роль.

Филиппу и Перперне предстояло осуществить перепись населения Италии — задача тем более важная, что речь шла о первой переписи после Союзнической войны, поскольку во время цензуры 89 г. она не проводилась⁴⁷. Однако результаты ценза обескураживают: по данным Евсевия, сохранным Иеронимом (Helm 151), численность граждан составила 463 тыс. чел., что означает весьма скромный прирост по сравнению с цензом 115—114 гг., когда цензоры насчитали 394 336 граждан (Liv. Per. 63)⁴⁸. Это обстоятельство породило различные трактовки, и согласно одной из них (кстати, весьма популярной) ответственность за это лежала

подразумевает — Т. Моммзен термином *Volkspartei* применительно к событиям гражданской войны 80-х гг. вообще не пользуется, другие же ученые того времени называли так сторонников Сулльция и Цинны (см., например, Ihne 1879, 333, 345, 355), боровшихся по тем или иным причинам за права италийцев. Филиппу такая позиция была явно не близка.

⁴³ Bispham 2007, 196; также см. Harris 1971, 236.

⁴⁴ Перперна снискал известность разве что как редкий долгожитель, скончавшийся в 49 г. в возрасте 98 лет и не переживший лишь семерых сенаторов из тех, кого вносил в списки сената как цензор (Plin. NH. VII. 156; Val. Max. VIII. 13. 4; Dio Cass. XLI. 14. 5). В связи с этим К. Стил называет Перперну “fascinating nonentity” (Steel 2013, 102, n. 87).

⁴⁵ Münzer 1920, 95; Taylor 1960, 180, n. 30.

⁴⁶ В. Шур отождествляет его с Г. Перперной, потерпевшим поражение в 90 г. от италийцев во главе с Г. Пресентием (App. BC. I. 41. 183), хотя и указывает каждому разные преномены (Schur 1942, 117, 147), что создает ощущение путаницы (см. Syme 1944, 107). С. Кендалл прямо указывает, что консул 92 г., возможно, одно и то же лицо с Г. Перперной, поскольку остальные легаты в первый год Союзнической войны были консулярами или преториями (Kendall 2013, 312, n. 45, 544). Аргумент не очень убедительный, поскольку Г. Перперна вполне мог быть преторием, о чем просто не сохранилось сведений в источниках. Не вполне также понятно, на каком основании Шур называет М. Перперну «старым популяром» (Schur 1942, 147).

⁴⁷ Cic. Arch. II. Правда, о *lustrum* 89 г. упоминается в Антийских фастах (Inscr. It. XIII. 159). Однако там же не упоминается о *lustrum* 86 г. — думается, такая перестановка не случайна и вряд ли отражает истинное положение дел. Впрочем, как бы ни решался этот вопрос, ясно, что в разгар войны, в 89 г., выяснить число граждан было крайне трудно, особенно если учесть, что еще предстояло реализовать на практике законы Юлия и Плавтия — Папирия.

⁴⁸ Прирост составил, таким образом, лишь 17% (Taylor 1960, 105; Bispham 2007, 198, n. 185).

на цензорах, прежде всего на враждебном италийцам Филиппе⁴⁹. Однако цензоры тем самым не лишали италийцев гражданства, а лишь утаивали их численность от государства, что могло обернуться для них крупными неприятностями. Сомнительно, что они пошли бы на такой шаг. Причины невысоких цифр скорее всего в другом. «При регистрации не было, по-видимому, учтено множество людей из групп с низкими доходами, которые мало значили в центуриатных комициях, однако были важны в собраниях триб, где каждый голос имел одинаковую значимость. Эти люди не нуждались в том, чтобы цензоры фиксировали их право голоса» (в списки граждан их могли внести и преторы). Развивая эту точку зрения Л.Р. Тэйлор (хотя и допуская вслед за К.Ю. Белохом возможность ошибки переписчика), С. Кендалл отмечает, что большинство италийцев просто не участвовали в переписи, поскольку их не интересовали права, закреплявшиеся за ними во время ценза (его прохождение для голосования к трибутных комициях не требовалось) — они были важны лишь для самых богатых из их числа, кто рассчитывал сделать карьеру в Риме⁵⁰. Во время проведения ценза явно не учли римских граждан, находившихся в Азии — прежде всего воинов Суллы⁵¹, да и потери римлян (как и самих италийцев) в войнах последних трех десятилетий были весьма значительны⁵², не говоря уже о непростой обстановке в самой Италии, где лишь недавно закончились боевые действия⁵³. «В действительности, по-видимому, при проведении ценза 86—85 гг. не были учтены не только все *novi cives*, получившие права от Цинны, но даже и все *novi cives*, которые стали таковыми в 90 г. и позднее»⁵⁴. Единственное, в чем можно заподозрить Филиппа и Перперну, — это

⁴⁹ Schur 1942, 148; Arbizu 2000, 160. По словам Ж. Ван Отегема, «как бы там ни было, можно не сомневаться, что отнюдь не с легким сердцем приступал Марций Филипп к регистрации этих новых граждан, которые являлись союзниками Цинны и врагами Суллы и сената, ему приходилось отказываться от своего прошлого, коль скоро раньше он был яростным врагом М. Ливия Друза и расширения римского гражданства» (Ooteghem 1961, 138). Вряд ли, однако, Филиппа беспокоила враждебность италийцев Сулле, а их неприязнь к сенату, напротив, должна была ослабеть как раз потому, что *patres* не возражали против дарования им гражданства. Что же касается чувств, с которыми он отступался от своего прошлого, то, как верно заметил Г. Беннет, это была часть той цены, которую он платил за свою “*temporizing policy*” (Bennett 1923, 43—44).

⁵⁰ Taylor 1960, 105—106; Kendall 2013, 543. К сожалению, при этом Кендалл не ссылается на книгу Тэйлор.

⁵¹ Bulst 1964, 325; Badian 1958, 242, n. 2; Harris 1971, 234.

⁵² Last 1932, 268; Bulst 1964, 325; Letta 1979, 84 (ни один из авторов не учитывает войн 114—92 гг.).

⁵³ На трудности при проведении ценза указывают многие ученые: Münzer 1930, 1565; Taylor 1960, 105; Suolahti 1963, 457. На это У. Харрис возражает, что в 70—69 гг. италийцам столь же нелегко было добираться в Рим, сколь и в 86—85 гг. (Harris 1971, 234). Однако к 70 г., даже несмотря на восстание Спартака, всерьез затронувшее лишь некоторые районы Апеннинского полуострова, обстановка стала куда благоприятной, тогда как после тяжелейшей Союзнической войны, носившей, выражаясь современным языком, тотальный характер, италийцев, думается, заботы о хлебе насущном беспокоили куда больше, чем явка для участия в цензе. Да и условия для путешествий по Италии за прошедшие годы наверняка улучшились.

⁵⁴ Letta 1979, 84. Единственной крупной группой получивших гражданские права от Цинны, если видеть в нем обобщенный образ всего циннанско-марианского лагеря, были, насколько известно, самниты.

недостаточная активность в преодолении упомянутых трудностей или даже отсутствие таковой⁵⁵.

Высказывалось также предположение, что цензоры задержали дарование новым гражданам *ius suffragium*, которое в результате состоялось лишь в 84 г. (*Liv. Per.* 84: *novis civibus S.C. suffragium datum est*)⁵⁶. Однако сомнительно, чтобы цензорам позволили такое своеволие, учитывая важность вопроса для Цинны и его окружения⁵⁷. Скорее всего, дело в том, что, как резонно предполагала Тэйлор, решение сената касалось тех италийцев, которые не прошли ценз в 86–85 гг. (см. выше)⁵⁸.

Другим важным мероприятием цензоров стало *lectio senatus* – стоит учесть, что за последние годы число *patres* сильно сократилось⁵⁹. В связи с этим неоднократно высказывалось предположение, что сенат пополнился новыми членами⁶⁰ – сторонниками Цинны⁶¹ или, как пишет Э. Габба, «популярами», что, по его мнению, позволило распределить новых граждан по всем трибам⁶². Однако это не более чем догадка; молчание источников о ней можно трактовать по-разному: Сулла и его сторонники не хотели напоминать, что, пополняя сенат, идут по стопам побежденных, но авторы, антипатизировавшие и тем, и другим, вполне могли осудить включение в его состав циннанцами «сомнительных» личностей. Если таковое и имело место, то речь, по-видимому, шла об очень незначительном числе, не заслуживавшем упоминания в источниках и потому ни на что не влиявшем.

Зато весьма вероятно, что новые цензоры провели дополнительную (хотя и очень небольшую) чистку сената. Точно известно, что из его списков был исключен Аппий Клавдий Пульхр (*Cic. Dom.* 84), брат матери Филиппа, а также коллега Перперны по консулату, вероятно, претор 89 г. и позднее пропретор, который сам станет консулом 79 г. Видимо, именно он командовал войсками, оставленными Суллой продолжать осаду Нолы и перешедшими на сторону Цинны⁶³. Вызванный в суд одним из плебейских трибунов и отказавшийся явиться в Рим, Аппий Клавдий был лишен империя и, по всей вероятности, изгнан⁶⁴. Понятно, что оставить такого человека в списке *patres* означало пойти на жесткий

⁵⁵ Когда Бэдиан писал, что цензоры внесли в списки граждан всех италийцев, каких смогли найти (Badian 1958, 242), можно согласиться с первой частью фразы, но усомниться в отношении второй – а искали ли их?

⁵⁶ См. Mackay 2009, 173–174; Steel 2013, 101–102.

⁵⁷ Meier 1966, 230, Anm. 147; Gabba 1972, 797, n. 204 – оба автора возражают при этом Бэдиану, который считал, что причиной задержки была позиция самого Цинны (см. Badian 1958, 241).

⁵⁸ Taylor 1960, 106. Менее убедительной представляется точка зрения Бисфема, согласно которой сенат просто подтвердил право *cives novi* голосовать во всех сельских трибах (Bispham 2007, 194).

⁵⁹ Я. Суолахти предполагает, что в 89 г. *lectio senatus* не проводили (Suolahti 1963, 450).

⁶⁰ Ф. Сантанджело пишет, что в 86 г. наверняка было замещено большинство сенаторов, погибших во время Союзнической войны (Santangelo 2006, 8). Неясно, почему именно большинство и только из этой категории.

⁶¹ Bennett 1923, 44.

⁶² Gabba 1954, 98. Определение Беннета представляется более корректным.

⁶³ Münzer 1899, 2849 (с указанием источников).

⁶⁴ *Cic. Dom.* 83; ср. Weinrib 1968, 43, n. 45; Kelly 2006, 185. Возможно, именно он подразумевается у Диона Кассия (fr. 102.12) под одним из изгнанных в начале 86 г. *στρατηγῶν* (Weinrib 1968, 43, n. 45; Kelly 2006, 185).

конфликт с циннанскими властями без всякой надежды на успех⁶⁵. Одним Аппием Клавдием, дело надо думать, не ограничилось⁶⁶: сложно представить, что в числе сенаторов остались Сулла и те *patres*, которые бежали к нему или в иные места, спасаясь от гнева новой власти⁶⁷. Наверняка не был внесен в списки Лукулл, в 88 или 87 г. занимавший должность квестора.

Наконец, видимо, именно тогда был назначен принцепс сената взамен умершего два или три года назад Марка Эмилия Скавра — Луций Валерий Флакк, личность весьма примечательная — единственный на тот момент известный нам патриций — консуляр и цензорий⁶⁸, коллега Мария по консулату 100 г., цензор 97 г. (Марий от участия в цензорских выборах тогда отказался), который в 82 г. проведет по предложению Суллы закон о назначении того диктатором и станет при нем начальником конницы⁶⁹. В известном смысле его назначение можно рассматривать как возвращение к традиции выбирать принцепсов сената из числа цензоров⁷⁰. На внесение в списки сенаторов первым именно его сыграло свою роль помимо его безупречного происхождения и карьеры, видимо, то, что он никогда не играл активной роли, будучи вторым лицом во время и консулата, и цензуры⁷¹.

Однако если имели место расчеты на его полную лояльность, то они оказались не вполне верными. В 85 г. в Рим пришло письмо от Суллы, в котором тот сообщал о своих победах и обещал отомстить своим врагам, т.е. Цинне и его окружению. Последним ничего не оставалось, как начать подготовку к новому раунду гражданской войны (Liv. *Per.* 83; App. *BC.* I. 77). Однако здесь они столкнулись с оппозицией со стороны нового принцепса сената (да и большинства *patres*, коль скоро они его поддерживали), который выступил с речью о *concordia* и в качестве практического шага для ее достижения необходимости направить к Сулле послов⁷². Если ему

⁶⁵ Рассуждения о предполагаемых эмоциях Филиппа, что он поступал так с Аппием Клавдием против своей воли и т.д. (Ooteghem 1961, 136; Suolahti 1963, 457), выглядят, как и в случае с цензом, несколько курьезно.

⁶⁶ Ван Отегем, осознавая эту трудность, тем не менее просто пишет, что решение судьбы этих сенаторов стало «головной болью» для Филиппа и Перперны, не уточняя, как же они вышли из положения (Ooteghem 1961, 136–137). Таких сенаторов было явно немного (см. Meier 1966, 229–230, Anm. 143), но каждый случай представлял собой проблему.

⁶⁷ Например, М. Цецилий Корнут, бежавший в Галлию (см. Plut. *Mar.* 43.10). Вероятно, был вычеркнут из списков сенаторов и Метелл Пий (Evans 1997, 82), хотя ему и дали беспрепятственно уйти из Италии в Африку (см. Liv. *Per.* 84), где он при жизни Цинны и оставался, не подвергаясь атакам со стороны его войск.

⁶⁸ Mora 2003, 503; Rafferty 2011, 14.

⁶⁹ См. Liv. *Per.* 83; Münzer 1955, 24.

⁷⁰ См. Mora 2003, 502–503. Предшественник Флакка Марк Эмилий Скавр был избран цензором через шесть лет после того, как стал принцепсом сената (Broughton 1951–1952, I, 532, 545).

⁷¹ Suolahti 1963, 435; Rafferty 2011, 14. Я. Суолахти также указывает на то, что цензоры были друзьями Флакка, чей род имел связи с Перпернами (Münzer 1920, 95); а с Филиппом его объединяло, по мнению Ф. Мюнцера, сходство «позиции и воззрений» (Münzer 1955, 24). Однако Цицерон (*Att.* VIII. 3. 6), на которого ссылается ученый, выражается весьма туманно, собираясь вести себя так, как Филипп и Флакк во время господства Цинны. Однако это еще не дает оснований считать обоих ни друзьями, ни людьми сходных позиций и воззрений, ибо второй, как мы увидим, вскоре встал фактически в оппозицию режиму, тогда как первый сохранял лояльность Цинне.

⁷² Это одна из немногих речей, которую упоминает эпитоматор Ливия (*Per.* 83; ср. Badian 1962, 58, n. 11).

нужны гарантии личной безопасности, то пусть сообщит об этом сенату — очевидно, предполагалось его прибытие в Рим на переговоры. От Цинны же и его окружения *patres* потребовали приостановить военные приготовления. Как ни странно, те дали требуемое обещание, но неясно, выполнили ли его хоть какое-то время; во всяком случае, по отъезде послов они продолжали готовиться к войне (*Liv. Per.* 83; *App. BC.* I. 77. 353—354). Высказывалось предположение, что Филипп оказал поддержку усилиям Флакка наряду с Сцеволой Понтификом, Карбоном Арвиной, Марком и Маммерком Лепидами, Децимом Брутом и другими, кто входил в группу «центристов» — сторонников мирного разрешения конфликта⁷³. Это вполне возможно, однако вряд ли такой опытный политик, как Филипп с его отменной интуицией, всерьез мог надеяться на соглашение с Суллой, ясно давшим понять, что собирается воевать (и события 88 г. показывали, что радикальные меры вполне в его духе). В лучшем случае он был не против попытки компромисса. С другой стороны, Филипп на тот момент был больше заинтересован в победе Цинны, нежели Суллы, которого вместе с его сторонниками, очевидно, вычеркнул из списков сената и мог опасаться если не мести, то полной утраты политических позиций. Но если в 77 г. он выступит с зажигательной речью против Лепида, призывая к борьбе с ним, то в 85 г. ничего подобного не произошло — вероятно, Филипп понимал, что в отсутствие сильной армии и полководца, равного Сулле, циннанцы имеют не так много шансов на успех, а потому не стоит сжигать мосты. Эта осторожность оправдала себя.

Однако когда гражданская война возобновилась, Филипп занял иную позицию и перешел на сторону Суллы, который сделал его своим легатом, после чего тот отвоевал у марианцев Сардинию; ее наместник Квинт Антоний⁷⁴ погиб (82 г.)⁷⁵. Это стало единственной военной операцией Филиппа⁷⁶, и операцией, как видим, успешной, хотя, конечно, командовать мог не он сам, а его помощники.

Обычно переход консула 91 г. на сторону Суллы рассматривают как один из эпизодов чуть ли не массового бегства нобилей к нему⁷⁷. Объяснялось это недовольством политикой Карбона⁷⁸, уверенностью в том, что Сулла — надежда для Рима⁷⁹, наконец, просто вполне нормальным для политика желанием поддержать берущую верх сторону⁸⁰. Однако известные нам действия Карбона не задевали личных интересов Филиппа, о его высокой оценке Суллы ничто не свидетельствует, а близкая победа последнего не требовала перехода на его сторону — во время осады Рима Марием и Цинной Филипп сохранил нейтралитет, что не мешало ему добиться после их победы венца карьеры — цензуры. Почему же он не поступил так и теперь, не только сменив лагерь, но и взявшись за оружие?

⁷³ См. Keaveney 1984, 138—141 (Сцевола Понтифик по ошибке назван Авгуром); 2005, 100, 206, п. 20.

⁷⁴ Сохранились отчеканенные Антонием денарии с победными символами, очевидно, отражавшими решимость марианцев отразить нападение возвращавшегося из Азии Суллы (Crawford 1974, 379 + № 364).

⁷⁵ *Liv. Per.* 86: L. Philippus, legatus Syllae, Sardiniam Q. Antonio praetore pulso et occiso occupavit. Прямо, правда, не сказано, что имеется в виду именно консул 91 г., однако других Луциев Филиппов для того времени мы не знаем (Schur 1942, 161, Anm. 3).

⁷⁶ Ooteghem 1961, 140.

⁷⁷ Fröhlich 1900, 1546; Schur 1942, 160—161; Badian 1962, 60; Frier 1971, 596—597; Hinard 1985, 121—122.

⁷⁸ Frier 1971, 596.

⁷⁹ Letzner 2000, 230.

⁸⁰ Long 1866, 340.

Поведение Филиппа становится куда более понятным, если предполагать, что во время цензуры он *volens nolens* исключил из сената не только Аппия Клавдия, но также Суллу и его соратников из числа *patres*. Конечно, цензор 86 г. лишь выполнял волю Цинны и его окружения, не будучи сам циннанцем⁸¹, однако это не гарантировало его от неприятностей. И дело было даже не в опасности физической расправы или изгнания: ему грозила утрата достигнутого статуса в *res publica*, что для такого честолюбивого политика являлось более чем ощутимым уроном. И чтобы не допустить этого, требовался решительный шаг, каковым и стал переход на сторону Суллы. Тот не мог не оценить открытой поддержки его консуляром и цензорием — единственным, который поступил подобным образом и к тому же принял непосредственное участие в боевых действиях против марианцев. Это обстоятельство ускользает от внимания исследователей, тем более что многие из них указывают на присоединение к Сулле двух других консуляров — Гая и (предположительно) Луция Валериев Флакков⁸², причем второй был, как и Филипп, цензорием и к тому же принцепсом сената. Однако в отношении позиции Гая Валерия есть лишь косвенные данные, которые можно толковать как свидетельство не прямой поддержки им Суллы, а подозрений в его адрес со стороны марианцев, которые поэтому поручили Серторию заменить его⁸³, что же касается его брата Луция, то здесь и вовсе только догадки — он не стал жертвой марианских репрессий, как, например, Сцевола Понтифик, а потому, видимо, скрылся в лагере Суллы. Едва ли нужно говорить о крайней ненадежности такого аргумента⁸⁴.

Стоит также обратить внимание на то, что Сулла поручил Филиппу, не имевшему, насколько известно, опыта командования, операцию по захвату такого крупного острова, как Сардиния⁸⁵. От кого исходила инициатива такого назначения мы не знаем, однако будущий диктатор в любом случае был заинтересован, чтобы единственный поддержавший его консуляр и цензорий не просто пребывал в его лагере, но и конкретными делами продемонстрировал свою позицию. При этом в случае неудачи Филиппа Сулла мало что терял — Сардинию можно было захватить в любое время, как только позволила бы ситуация в Италии. Однако и этого не потребовалось — операция закончилась успешно.

Решительный шаг Филиппа полностью оправдал себя: Сулла одержал победу, а сам он занял если не при нем (об этом нет сведений), то после его смерти не менее влиятельное положение, чем прежде, свидетельством чему стали его роль в борьбе с Лепидом и назначении Помпея проконсулом Ближней Испании⁸⁶. При

⁸¹ Long 1866, 340; Keaveney 1984, 140.

⁸² Schur 1942, 161 (только о Л. Флакке); Frier 1971, 596–597; Hinard 1985, 121–122. Лишь как курьез можно воспринимать то, что Б. Фрир упоминает в данном контексте Филиппа, не называя его по имени — в отличие от Флакков, в отношении которых возможны лишь гипотезы (Frier 1971, 597).

⁸³ См. Rijkhoek 1992, 178–187 (с указанием источников и литературы).

⁸⁴ Некоторые авторы корректно указывают среди перешедших на сторону Суллы консуляров только Л. Филиппа: Fröhlich 1900, 1546; Letzner 2000, 230.

⁸⁵ Дж. Лонг отмечает важность сардинского зерна для снабжения армии Суллы (Long 1866, 340). Это резонно, но откуда поступал хлеб для сулланских войск, мы, строго говоря, не знаем.

⁸⁶ Выдающаяся роль Филиппа в этих событиях произвела на некоторых ученых такое впечатление, что один из них по ошибке дважды (!) назвал его консулом (77 г.) (Jal 1963, 242, 462), а другой — *princeps senatus* (Burton 2014, 404), которым Филипп также не был.

этом, насколько известно, ему в целом удалось избежать обвинений в том, что он пособник Цинны и перебежчик⁸⁷.

В заключение остается сказать следующее. Гражданская война стала нелегким испытанием даже для такого мастера политической интриги, как Луций Марций Филипп. Однако он не только выжил в те трудные годы, но и в конце концов сохранил свое политическое влияние. На него работал политический капитал, приобретенный им в предыдущие годы и во многом заменявший отсутствие у него доступа к вооруженной силе. Его положение при циннанцах было двойственным — с одной стороны, Филипп достиг вершины высшей ступени *cursus honorum*, став цензором, с другой же не обладал зримым влиянием на дела — во время цензуры ему пришлось выполнять волю циннанцев. Однако он показал, что лавирование и выжидание не единственные средства в его политическом арсенале — когда начался новый раунд гражданской войны, Филипп сделал решительный шаг, перейдя на сторону Суллы и выступив в несвойственной ему роли военачальника. Это, а также укрепление связей с Помпеем во время господства Цинны позволило ему не только остаться в десятке ведущих политиков Рима, но подготовить новый (и последний) взлет своей политической карьеры в 78–77 гг.

Литература / Reference

- Alexander, M.C.A. 1990: *Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC*. Toronto.
- Arbizu, J.M. 2000: *Res publica oppressa. Política popular en la crisis de la República (133–44 a.C.)*. Madrid.
- Badian, E. 1957: Caepio and Norbanus. Notes on the Decade 100–90 B.C. *Historia* 6.3, 318–346.
- Badian, E. 1958: *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford.
- Badian E. 1962: Waiting for Sulla. *Journal of Roman Studies* 52, 47–61.
- Badian, E. 1964: *Studies on Greek and Roman History*. New York.
- Bennett, H. 1923: *Cinna and His Times. A Critical and Interpretative Study of Roman History during the Period 87–84 BC*. Diss. Ph.D. Menasha.
- Bispham, E. 2007: *From Asculum to Actium. The Municipalization of Italy from the Social War to Augustus*. Oxford.
- Broughton, T.R.S. 1951–1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. I–II. New York.
- Broughton, T.R.S. 1991: *Candidates Defeated in Roman Elections: Some Ancient Roman “Also-Rans”*. Philadelphia.
- Bulst, Ch.M. 1964: Cinnanum tempus: a reassessment of the dominatio Cinnae. *Historia* 13.3, 307–337.
- Burton, P. 2014: The revolt of Lepidus (cos. 78 BC) revisited. *Historia* 63.4, 404–421.
- Crawford, M.H. 1974: *Roman Republican Coinage*. Vol. I. Cambridge.
- Evans, R.J. 1997: The Augustan ‘purge’ of the senate and the census of 86 BC. *Acta Classica* 40, 77–86.
- Frank, T. 1933: *An Economic Survey of Ancient Rome*. Vol. I. *Rome and Italy of the Republic*. Baltimore.
- Frier, B. 1971: Sulla’s propaganda: the collapse of the Cinnan republic. *American Journal of Philology* 92, 585–604.
- Fröhlich, F. 1900: Cornelius (392). In: *RE*. Hlbd 7, 1522–1566.
- Gabba, E. 1954: Le origini della guerra sociale e la vita politica romana dopo l’89 A.C. *Athenaeum*. N.S. 32, 41–114, 293–345.
- Gabba, E. 1972: Mario e Silla. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Tl.I. Bd. 1. Berlin–New York, 764–805.
- Gelzer, M. 1942: *Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus*. Berlin.
- Gruen, E.S. 1965: Lex Varia. *Journal of Roman Studies* 55, 67–73.
- Gruen, E.S. 1968: *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C.* Cambridge.
- Harris, W.V. 1971: *Rome in Etruria and Umbria*. Oxford.
- Herzog, E. 1884: *Geschichte und System der römischen Staatsverfassung*. Bd I. Leipzig.

⁸⁷ Даже Цицерон, не слишком симпатизировавший Филиппу, очень сдержанно порицает его за удаление им из списка сенаторов Аппия Клавдия из желания не ссориться с циннанцами (Cic. *Dom.* 84).

- Hillman, T.P. 1998: Notes on the trial of Pompeius at Plutarch, Pomp. 4. 1–6. *Rheinisches Museum für klassische Philologie* 141, 176–193.
- Hinard, F. 1985: *Les proscriptions de la Rome républicaine*. Rome.
- Ihne, W. 1879: *Römische Geschichte*. Bd.V. Leipzig.
- Jal, P. 1963: *La guerre civile à Rome. Étude littéraire et morale*. Paris.
- Keaveney, A. 1984: Who were the Sullani? *Klio* 66, 114–150.
- Keaveney, A. 2005: *Sulla: the Last Republican*. London–New York.
- Kelly, G.P. 2006: *A History of Exile in the Roman Republic*. Cambridge.
- Kendall, S. 2013: *The Struggle for Roman Citizenship. Romans, Allies, and the Wars of 91–77 BCE*. Piscataway (NJ).
- Lange, L. 1871: *Römische Altertümer*. Bd III. Berlin.
- Lanzani, C. 1915: *Mario e Silla, storia della democrazia romana negli anni 87–82 a.C.* Catania.
- Last, H. 1932: The Tribunatus of Saturninus; The First Consulship of Sulla. In: *The Cambridge Ancient History*. Vol. IX. Cambridge, 264–272.
- Letta, C. 1979: Magistrature italiche e magistrature municipali: continuità o frattura? In: E. Campanile, C. Letta, *Studi sulle magistrature indigene e municipali in area italica*. Pisa, 33–88.
- Letzner, W. 2000: *Lucius Cornelius Sulla: Versuch einer Biographie*. Münster.
- Long, J. 1866: *The Decline of the Roman Republic*. Vol. II. London.
- Luce, T.J. 1970: Marius and Mithridatic command. *Historia* 19.2. 1970, 161–194.
- Mackay, Ch.S. 2009: *The Breakdown of the Roman Republic: From Oligarchy to Empire*. Cambridge.
- Meier, Ch. 1966: *Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik*. Wiesbaden.
- Millar, F. 1986: Politics, persuasion and the people before the Social war (150–90 B.C.). *Journal of Roman Studies* 76, 1–11.
- Mommsen, Th. 1881: *Römische Geschichte*. Bd II. Berlin.
- Mora, F. 2003: La scelta del “Princeps senatus”. *Historia* 52.4, 502–504.
- Mouritsen, H. 2017: *Politics in the Roman Republic*. Cambridge.
- Muñoz Coello, J.C. 1995–1996: Flavivs Fimbria, consular y legado en la provincia de Asia (86/84 a. de C.). *Studia historica. Historia Antigua* 13–14, 257–275.
- Münzer, F. 1899: Claudius (296). In: *RE*. Hlbd 6. 1899, 2848–2849.
- Münzer, F. 1905: Domitius (26). In: *RE*. Hlbd 10, 1333–1334.
- Münzer, F. 1920: *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart.
- Münzer, F. 1930: Marius (15), Marcus (75, 78, 79). In: *RE*. Hlbd 28, 1811–1815, 1562–1568, 1572–1579.
- Münzer, F. 1955: Valerius (176). In: *RE*. 2. R. Hlbd 15, 22–25.
- Ooteghem, J. van. 1961: *Lucius Marcius Philippus et sa famille*. Bruxelles.
- Rafferty, D., 2011: Princeps senatus. *Melbourne Historical Journal Special Issue 2: Cultural (Re)constructions*, 1–22.
- Rijkhoek, K.G. 1992: *Studien zu Sertorius*. Bonn.
- Roselaar, S. 2010: *Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396–89 BC*. Oxford.
- Santangelo, F. 2006: Sulla and senate: a reconsideration. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 17, 7–22.
- Schur, V. 1942: *Das Zeitalter der Marius und Sulla*. Leipzig.
- Shatzman, I. 1972: The Roman general's authority over booty. *Historia* 21.2, 177–205.
- Steel, C. 2013: *The End of the Roman Republic 146 to 44 BC: Conquest and Crisis*. Edinburgh.
- Suolahti, J. 1963: *The Roman Censors: A Study on Social Structure*. Helsinki.
- Syme, R. 1944: Rev. on: Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. *Journal of Roman Studies* 34, 103–109.
- Syme, R. 2016: *Approaching the Roman Revolution. Papers on Republican History*. Oxford.
- Taylor, L.R. 1960: *The Voting Districts of the Roman Republic. The Thirty Five Urban and Rural Tribes*. Rome.
- Weinrib, E.J. 1968: The prosecution of Roman magistrates. *Phoenix* 22, 32–56.
- Willems, P. 1883: *Le sénat romain: sa composition et ses attributions*. T. II. Paris.